

DOI: 10.15372/HSS20160209
УДК 39:34

А.А. БАДМАЕВ

ТРАДИЦИИ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В БУРЯТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (XVIII–XIX вв.)*

Андрей Андреевич Бадмаев,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

Статья посвящена традициям разрешения конфликтов у бурят XVIII–XIX вв. Показано, что в условиях традиционного общества было два пути для примирения: внесудебное, когда агрессор, осознавая порочность своего поступка, приносил извинения жертве, и та прощала его; судебное, осуществляемое судом инородческих начальников. Последний имел несколько инстанций, и судебное разбирательство, инициированное жертвой, как правило, завершалось на его нижней ступени. Данный институт был освящен традиционным мировоззрением, которое, поддерживая среди народа авторитет судей и инородческих начальников, признавало верховенство мифического суда небожителей и духов над их судом.

Ключевые слова: буряты, Байкальский регион, конфликт, агрессия, жертва, обычное право, традиционное мировоззрение.

A.A. BADMAEV

TRADITIONS OF CONFLICT RESOLUTION IN THE BURYAT SOCIETY (BASED ON THE MATERIALS OF THE XVII–XIX CENTURIES)

Andrey A. Badmaev,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17, Ak. Lavrentyeva str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

Issues related to the study of methods of social conflicts resolution remain understudied in the Buryat ethnographical literature. The purpose of the present research is to reveal traditions of handling the conflicts among the Buryats in the XVIII–XIX centuries. There were various types of social collisions: some of them were intergroup and even interethnic conflicts, while others were intragroup (including family conflicts). The author considers the latter type of collisions. The research is based on the literary and archival sources of the XVIII–XIX centuries.

In a traditional society there were two possible ways of reconciliation: extrajudicial (when the aggressor admitted depravity of his or her action, apologized to his or her victim and received forgiveness) and judicial (held by the Court of the non-Buryat chiefs). Aggressors and their victims belonged to the local groups interested in the prompt resolution of conflicts. The Buryat courts had the estate character and were totally controlled by the “indigenous chiefs”, therefore all levels of this judicial system were aimed at achieving reconciliation. Investigation, judgment and execution were held by the “indigenous chiefs”. Proceedings initiated by the victims were usually completed by the lowest-level courts. Along with substantive examination of cases and carrying out of sentences (prescribing fines or even corporal punishment for the aggressor) the courts were instrumental in maintaining the peace and stability within the local groups.

This social institute was sanctified by the traditional worldview that supported the authority of the court’s and the indigenous chiefs among popular masses. At the same time, according to the traditional beliefs the superiority of the mythical court of “white” sky inhabitants and spirits over the ordinary courts was generally accepted. For this purpose people continued the practice of taking oath near the “shaman stones”.

Key words: Buryats, Baikal region, conflict, aggression, victim, common law, traditional worldview.

---

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 14–50–00036.

Столкновение личных интересов в том или ином этническом сообществе может принимать форму агрессии и сопровождаться насилием. Чтобы сохранить внутренний мир и целостность, этническая группа на протяжении всей своей истории создает и поддерживает механизмы примирения. В этом плане не является исключением бурятский народ, который сформировался и эволюционировал в условиях Российского государства. Практически до конца XIX в. он представлял собой традиционное общество, которое, унаследовав традиции преодоления постконфликтных ситуаций в вошедших в его состав субэтнических группах, пыталось развивать эти традиции в новых исторических реалиях.

Конфликтные ситуации, возникавшие в жизни бурят, вызывались столкновением экономических или этнических интересов, социальными, религиозными или гендерными противоречиями. Для их разрешения бурятское общество принимало соответствующие меры, направленные на примирение конфликтующих сторон и тем самым на гармонизацию отношений внутри общества, а в случае, если одной из сторон был представлен другой народ, то и вовне его.

Бытовой инцидент в семье и локальной группе мог быть урегулирован без участия общества по обоюдному согласию сторон. Тот, кто проявил агрессию и чувствовал свою вину, обычно первым стремился уладить конфликт. На такой шаг могло подтолкнуть полученное им воспитание, в том числе религиозное. Но религиозная мораль еще не укоренилась среди массы бурят, так как их приобщение к буддизму и православию имело сравнительно короткую историю и не было завершено к концу XIX в. Соответственно, мироощущение бурят не могло быть однородным, у многих из них оно характеризовалось как синкретичное, включавшее как шаманские, так и буддийские, христианские представления. Между тем поведенческие установки большинства из них оставались традиционными и транслировались, не меняя сущностных характеристик.

Для бурят было присуще долготерпение: надеясь на осознание человеком аморальности своего агрессивного поведения, они сносили первое и второе оскорбление, но третье служило для них поводом для обращения в суд [1, с. 187]. Вероятно, данное качество поддерживалось народными представлениями о природе агрессивности: согласно им, такое поведение было обусловлено вмешательством в дела людей злых *заяанууд* 'духов' и восточных черных *тэнгэринууд* 'небожителей'. Считалось, что эту категорию мифических персонажей, в отличие от белых тэнгриев и заянов, можно умиловить жертвой, но тогда, когда происходила чья-либо беспричинная агрессия, проводился шаманский обряд *орго ама гаргаха* 'вывести злоречие, вражду' [1, с. 175]. Сама этимология названия обряда указывает, что в понимании бурят причиной конфликта было испытываемое актором чувство враждебности к окружающим, которое в острые моменты выплескивалось, обретая вербальные формы.

Вероятно, уже во второй половине XVIII в. внесудебное разрешение бытовых коллизий у бурят являлось событием нечастым, при этом число их обращений в суд было значительно¹.

Если быстрого примирения не происходило, то такой конфликт неизбежно получал общественный резонанс, и родовая группа, членами которой являлись и агрессор, и жертва, вмешивалась в него, играя роль медиатора. Посреднической компетенцией обладали старики, которые, собрав свой круг, «стыдили провинившегося и, увещывая его на будущее время не позволять себе подобных поступков, заставляли извиниться перед обиженным» [1, с. 190]. При отказе виновного принести извинения пострадавший обращался с жалобой к улусному старшине, и на этом уровне конфронтация, как правило, заканчивалась [1, с. 190]. В крайнем случае она могла стать предметом дальнейших разбирательств бурятской властной вертикали.

На следующем этапе ею уже занимался родовой *шуленга* вместе с улусными старшинами и уважаемыми людьми рода, потом – собрание *суглан* из шуленг и старшин близких родов. Если суд данной инстанции не мог вынести решение, то окончательную точку в процессе ставил суд, производимый в инородческой конторе или степной думе главным тайшой или по его желанию собранием родоначальников всех родов, входящих в данную этнотерриториальную группу. Основным итогом, к чему стремились судьи, было гарантирующее общественное спокойствие примирение сторон конфликта, т. е. признание агрессором своей вины и прощение его жертвой.

В представлении бурят суд инородческих начальников не был последним, и не только потому, что можно было искать правду в русских судебных учреждениях. Верили, что подобно нему существует небесное собрание из духов-покровителей и простых духов, которые судили земных людей, в том числе самих судей-родоначальников за неверно вынесенные вердикты, и исправляли допущенные ими ошибки [1, с. 187]. Эти воззрения на практике реализовывались при проведении божьбы у «шаманских камней», когда истец и обвиняемый или лица, выбранные их заменить, приносили на таких местах клятву высшим силам или должны были переночевать там.

Семейная ссора, получившая огласку и прошедшая через все перечисленные выше уровни общественного и судебного рассмотрения и порицания, могла дойти до суда инородческих начальников, который в свою очередь пытался примирить супругов, наставляя их жить «дружно и по совести». Убедившись в их нежелании мириться, суд на время сажал рассорившихся супругов в тюремную избу и даже мог приказывать высечь их прилюдно плетью. Последнее средство, применявшееся к враждующим сторонам, предусматривало следующее: «<...> им (супругам. – А.Б.) давали есть по куску мяса, а потом заставляли меняться жвачкою.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 17–18.

Если они затруднялись таким лакомством, то на них сыпались со стороны примиряющих толчки, кулаки, подзатыльники, и они невольно глотали» [2, с. 370]. На психологическом уровне такой метод примирения был эффективен: примененное насилие в какой-то степени подавляло волю супругов, а на подсознательном уровне данный акт убеждал их в том, что они являются единым целым – семьей. Итак, суд инородческих начальников, выполнявший функцию разрешения гражданских конфликтов, помогал локальному обществу сохранять его ячейку, семью, представлявшую также отдельную хозяйственную единицу, благодаря которой обеспечивалось общественное благосостояние. Об этом свидетельствует и прописанное в обычном праве наказание за оскорбление родителей взрослыми детьми, сводившееся к публичной порке оступившегося. Причем эта акция содержала воспитательный момент: как правило, на экзекуцию собирали всю молодежь улуса, и именно ей делалось соответствующее начальственное внушение [3, с. 32].

Общего свода обычного права у бурят не существовало, поэтому во многих территориальных группах имелись собственные кодексы, которые по мере устаревания в них статей обновлялись. Такое многообразие отражало этап становления бурятского народа, включившего в свой состав разные по происхождению группы автохтонов и вынужденных мигрантов. Среди них наиболее известны сборники «степных» законов хоринских и селенгинских бурят, в общих чертах напоминающие ойрато-монгольский свод законов «Великое уложение» 1640 г. Отдельно можно назвать право верхоленских бурят, а также булагатов и хонгодоров [4]. Однако все это множество бурятских локальных кодексов имело общие истоки, бравшие начало в кодифицированных нормах Монгольской империи, а затем сменивших ее в Центральной Азии государственных образований восточных и западных монголов. Таким образом, правовые нормы бурят, на начальном этапе являвшиеся калькой со средневекового монгольского права, со временем дополнялись, а запущенный законотворческий процесс расширял и фрагментировал сферу действия обычного права.

В локальных вариациях обычного права бурят имелись нюансы в отношении предмета судебного разбирательства. В частности, за вербальное оскорбление, по хоринскому своду, предусматривалось преследование, а булагато-хонгодорское право откладывало в этом [4, с. 95]. В то же время словесные угрозы и выраженное в них обещание физической расправы давали ход делу, и по результатам его рассмотрения в суде агрессор обязан был письменно отказаться от таких намерений [4, с. 97]. Также в последнем своде законов были ограничены сроки обращения истца к родоначальнику с жалобой и в суд инородческих начальников.

Правоприменительная практика предполагала примирение участников конфликта с обязательной компенсацией жертве нанесенного вреда. В зависимости от тяжести содеянного и от социального статуса потерпевшего и обидчика судьбы выносили свой вер-

дикт. Судебное решение предусматривало, прежде всего, экономическое наказание виновного в инциденте: оно варьировало в зависимости от нанесенного жертве морального урона и физических увечий и представляло конкретную денежную сумму или определенное число голов домашнего скота.

Усиление позиций буддизма, а также укрепление системы управления и связанное с этим упрочение власти степной аристократии у западно-забайкальских бурят проецировались в их обычном праве. Согласно Положению 11 хоринских родов 1808 г., за словесное оскорбление и избивание настоятеля монастыря, любой другой представитель бурятского общества подвергался наказанию. Причем это равно относилось как к родоначальникам, ламам, так и рядовым аратам и послушникам. При назначении наказания суд исходил из социального статуса виновного: обидчик, вышший лама или сайт-родоначальник в звании титулярного советника, вносил денежные суммы отдельно в пользу потерпевшего, локального сообщества и буддийской общины; все остальные виновные, занимавшие место ниже в социальной иерархии, хотя и обходились меньшими штрафами, но карались ударами палкой или плеткой [3, с. 24–25]. Заметим, что приговоры по делам, в которых фигурировали иные духовные и светские лица, также предусматривали применение к агрессору, занимавшему более низкое общественное положение, по сравнению с жертвой, обоих видов наказания.

Самые крупные штрафы налагались на оскорбивших тайшу в звании коллежского асессора. Это выглядит тем более удивительно, что за ту же обиду, но нанесенную главному тайше, дослужившемуся до надворного советника и стоявшему на верхней строчке управленческой иерархии, полагалась намного меньшая компенсация [3, с. 25]. Подчеркнем, что в случае конфронтации с более статусными лицами агрессоры из числа простых лам и инородческих начальников несли в целом большие финансовые расходы, чем рядовые буряты; единственно, в чем они были уравнены с простонародьем, это в основной части штрафа. Неизмеримо меньшим был размер штрафа, который брали с оскорбивших рядового бурята лам и родоначальников: жертве полагалось вылатить лишь 5 руб., а вот обществу – до 20 руб. [3, с. 26]. Очевидно, что взыскания в пользу локального общества и местного буддийского монастыря должны были искупить вину преступника перед ними за нарушение общественного порядка и согласия.

При тяжелых травмах, нанесенных жертве, действовало правило – одинаково наказывать любого агрессора независимо от его статуса: в течение полугодия виновный оплачивал лечение потерпевшего, если увечья оказывались неизлечимыми – отдавал жертве стадо в 50 голов разной породы. В последнем случае пострадавший обязан был после получения скота, пригнанного ему в счет возмещения ущерба, написать соответствующую расписку сайтам [3, с. 27]. Таким образом, примирение сторон конфликта оформлялось письменно. Нужно указать, что упомянутая выше категория пре-

ступлений наказывалась по архаичным статьям, в которых любое физическое увечье, нанесенное жертве, следовало возместить определенным поголовьем скота.

Как было отмечено, в степные законы вторгались новые мотивы, отражавшие усиление роли управленческой элиты и влияния буддизма, поэтому за нанесенное их представителям «бесчестье» наказание становилось суровее, чем «черному» люду. Но необходимо иметь в виду, что на стороне бурятских родоначальников было и традиционное мировоззрение, согласно которому считалось, что их власть является сакральной и данной свыше [1, с. 190–191]. Очевидно, и на это указывает М.Н. Хангалов, в XVIII в. их авторитет пошатнулся в глазах бурят по причине той неблагоприятной роли, которую они исполняли, выступая посредниками между русскими сборщиками ясака, мелкими чиновниками и казаками, и податным бурятским населением. Было немало примеров, когда поставленные над родоначальниками сборщики ясака прилюдно их оскорбляли, а они, в свою очередь зараженные мздоимством первых, обирали рядовых бурят, делая «черные» поборы [5]. Поэтому социальный протест бурятских низов выражался не только в пассивной форме – подаче многочисленных жалоб русской администрации на лихоимство родоначальников, но и в прямом столкновении с ненавидимыми сайтами, иногда заканчивавшимся нанесением последним побоев.

Из сказанного становится понятно, что обычное право закрепляло систему социального неравенства, которая сложилась в рассматриваемое время в бурятском обществе. Об этом можно судить хотя бы по тому, что не сопоставимы были по своей тяжести денежные взыскания для бедняка и для состоятельного человека; первый, внося его, мог просто разориться. Сложно также говорить о непредвзятости суда при рассмотрении конфликта между инородческим начальником и рядовым бурятом, когда суд вершился представителями управленческой элиты.

Несколько иная система наказаний была предусмотрена в булагато-хонгодорском праве 1818 г.: в зависимости от рецидива вводилась восходящая шкала штрафов – за небольшое «бесчестье» виновный платил «в первый раз, 5 рублей, во второй, 10 рублей, а в третий, 15 рублей» [4, с. 97], за более тяжкое оскорбление и побои сумма штрафа возрастала в 2–3 раза. Вспомнив, насколько были терпеливы буряты, надо думать, что на практике денежные взыскания не опускались ниже 15 руб. Было в нем также прописано, что физическое наказание должно применяться только в случае, когда был нанесен урон здоровью жертвы. Примечательно, что мужчины, женщины и дети были уравнены в праве на судебную защиту, следовательно, и в получении материального возмещения за «бесчестье» [4, с. 97]. Между тем обычное право булагатов и хонгаторов, в отличие от хоринского свода законов, отдельно рассматривало случаи нанесения взаимных оскорблений; исходя из антиобщественного характера такого проступка, с обеих сторон конфликта взыскивали штраф в пользу локального общества, а конфликту-

ющих помещали в тюремную избу, причем за особое ожесточение в драке секли лозой. Еще одно различие было связано с вопросом отнесения правонарушений, в результате которых жертва становилась калекой, к компетенции суда инородческих начальников. Булагато-хонгодорский кодекс считал их уголовными преступлениями [4, с. 99] и передавал на рассмотрение в русские судебные инстанции.

Общим моментом и в булагато-хонгодорском и в хоринском кодексах было то, что оплата лечения пострадавшего целиком ложилась на плечи агрессора. Об архаичности данной позиции можно судить на основе материалов М.Н. Хангалова [1, с. 190].

Подводя итоги, можно заключить, что в XVIII–XIX вв. разрешение конфликтов внутри бурятского социума происходило двумя путями: через добровольное примирение противников без участия локального общества; через оказание на них давление локальным обществом и решения инородческих судебных инстанций. Заинтересованной в скорейшем исчерпании конфронтации была локальная группа, к которой принадлежали агрессор и жертва. На достижение примирения работали все уровни бурятского суда, имевшего сословный характер, вследствие того что полнота власти в нем была сосредоточена в руках инородческих начальников, которые осуществляли следствие, суд и исполнение наказания. Деятельность суда была органично вплетена в ткань традиционного мировоззрения бурят через апелляцию к мифическому суду небожителей и духов и связанную с этим практику божьбы у «шаманских камней».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.
2. Мелетий. Записки забайкальского миссионера иеромонаха Мелетия за 1864 г. // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1865. № 23. С. 365–374.
3. Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности / пер. с монг. Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. издат. фирма, 1992. 312 с.
4. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: Тип. И. Носковского, 1876. 282 с.
5. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 400 с.

REFERENCES

1. Hangalov, M.N. Works. Ulan-Ude: Buryat kn. izd-vo, 1958. Vol. 1. 551 p. (In Russ.)
2. Meletios. Notes of Transbaikalian missionary hieromonk Melety for 1864. *Pribavleniya k Irkutskim eparkhial'nym vedomostyam*. 1865, no. 23, pp. 365–374. (In Russ.)
3. Customary law Khori buryats. Monuments old-mongolian literature: Trans. with mong. Novosibirsk: Nauka 1992, 312 p. (In Russ.)
4. Samokvasov D.J. Collection of customary law of Siberian natives. Warsaw: Typography I. Noskovskogo, 1876, 282 p. (In Russ.)
5. Zalkind, E.M. The Social system of the Buryats in the XVIII – first half XIX century. Moscow: Nauka, 1970, 400 p. (In Russ.)